

«МЕЧ РОССИИ»

Доктор исторических наук Андрей БОГДАНОВ,
Институт российской истории РАН

Об одном из основоположников отечественного военного искусства генералиссимусе Александре Суворове (1730-1800), 280 лет со дня рождения которого исполнилось в 2010 г., известно немало: все существенные письменные свидетельства жизни и деятельности полководца, не знавшего поражений, тщательно выявлены и хорошо изданы. Автор же данной статьи, изучавший его наследие на протяжении последних 15 лет, знакомит читателей со своим героем как с мыслителем.

*Портрет полководца А.В. Суворова.
Художник Василий Суриков. 1907 г.*

**Взятие крепости Кольберг в ходе Семилетней войны.
Художник Александр Коцебу. 1852 г.**

Нашему знаменитому соотечественнику, которого французский король Людовик XVIII назвал «меч России», посвящен целый пласт научной литературы. Среди этого изобилия прежде всего отметим подготовленный Военно-историческим архивом совместно с нашим институтом четырехтомник «А.В. Суворов. Документы» (1949–1953 гг.) — поныне наиболее полное собрание исторических источников, связанных с непобедимым военачальником, а также его письма, вышедшие в московском издательстве АН СССР «Наука» в серии «Литературные памятники» (1986 г.). Оба труда придерживаются хронологического принципа расположения материала и прямо указывают: мысль полководца надо изучать в ее развитии, причем в его собственных формулировках.

Между тем слова Суворова порой изменяли или вырывали из контекста. Вот два примера. Его известное выражение «Каждый солдат должен понимать свой маневр» превратилось в «Каждый солдат должен знать свой маневр» — разница очевидна. А описывая тактику русского архистратига, как называли его современники, нередко цитируют: «глазомер, быстрота, натиск». В подлиннике же читаем: «отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение». Как видим, на первое место он ставил воинский дух,

на второе — ум, затем — дисциплину, после нее — точную, мощную атаку, наконец, целью разгрома неприятеля полагал гуманный мир. Добавим: не только в высказываниях, но и в фактах биографии Александра Васильевича, в частности в дате рождения, наблюдались разночтения. Лишь в конце XX в. окончательно установили: родился прославленный сын Отечества 13 ноября 1730 г.

Сам Суворов, надо сказать, с величайшей серьезностью думал над каждым своим словом, считая точность выражений и тщательный выбор формулировок одним из краеугольных камней военного искусства. «Сикурс*», — отчитывал он одного из офицеров, — есть слово ненадежной слабости, а «резерв» — склонности к мужественному нападению; «опасность» есть слово робкое и никогда, как и «сикурс»..., на русском языке... не употребляемое и от меня заказанное, а на то служит — «осторожность». Не случайно его наследие с энтузиазмом изучали филологи. А писал Александр Васильевич много, на русском, французском, немецком языках, в том числе стихи, не был чужд общественной и литературной жизни, так что исследования лингвистов помогают лучше понять его характер.

Однако в первую очередь это был гений, совершивший в военном искусстве переворот такого масшта-

*Сикурс — помощь, поддержка (прим. ред.).

Отъезд А. В. Суворова из села Кончанского в поход 1799 г.
Художник Николай Шабунин. 1903 г.

ба, что в конце жизни с полным правом оценил себя так: «Никому не равен», а на своей могиле велел написать просто: «Здесь лежит Суворов». Да, на пути восхождения к вершине славы он восхищался многими, стремясь их догнать: знаменитых военачальников и государственных мужей древности Ганнибала (247-183 до н.э.), Гая Юлия Цезаря (102?-44 до н.э.), выдающегося полководца Священной Римской империи принца Евгения Савойского (1663-1736), французского маршала Анри Тюренна (1611-1675) и др. И радовался, когда одерживал верх над признанными авторитетами, например, императору Павлу I, поклоннику Фридриха Великого, однажды заметил: «Я лучше прусского покойного великого короля, я, милостью Божьей, баталии не проигрывал». А после Швейцарского похода* он с гордостью писал: «Выбери себе героя, догоняй его, обгони его! Мой герой Цезарь. Альпы за нами и Бог перед нами! Орлы российские облетели орлов римских!».

Филологи оценили мощь и действенность слова русского архистратига. Причем в отличие от многих историков они видели в нем чрезвычайно умного, дальновидного командира, не надеявшегося на везение или несгибаемую стойкость своих «чудо-богатырей», даже на пике своей карьеры тщательно готовившего пути возможного отступления: «Сегодня — счастье, завтра — счастье, помилуй Бог, надо же когда-нибудь и уметь!». Что же оно собой представляло и какой именно переворот совершил Суворов в военном искусстве?

Как ни удивительно, есть описания сражений, в ход которых Александр Васильевич не вмешивался,

*Швейцарский поход (10-27 сентября 1799 г.) — переход через Альпы в направлении Австрии выступивших из северной Италии русских и австрийских войск под командованием Суворова, участвовавших в войне Второй коалиции (Австрия, Англия, Россия, Неаполитанское королевство, Турция) с Францией (прим. ред.).

предвидя их успешный для русской стороны исход. Специалистам также известны документы, где он требовал от офицеров не ждать приказов, не докладывать, а действовать по обстановке в рамках общей диспозиции. Иными словами, главный принцип военачальника — бороться за победу должны те, кто сражается на линии огня, и все войско действовать, как единое целое. Эта органическая теория развита им чрезвычайно подробно. Более того, она сконцентрировала все идеи Суворова и ни одну из них нельзя рассматривать отдельно.

Победы на поле брани одерживал не маленький сухоногий генерал, сам смеявшийся над своей немощью, а могучая мыслительная конструкция, десятилетиями создаваемая его гением и на века опередившая время — и в целом, и в отдельных аспектах. Возьмем один из них, который мы сейчас назвали бы логистикой (наука о планировании, управлении и контроле движения материальных, информационных и финансовых ресурсов в различных системах).

Многие слышали о походах суворовских солдат, как на крыльях преодолевавших огромные расстояния с невозможной, казалось бы, скоростью. Скажем, в ноябре-декабре 1768 г. Суздальский пехотный полк примчался в Смоленск из крепости Старая Ладога (под Санкт-Петербургом), пройдя 927 км по плохим дорогам за 30 дней. Подводя итог столь стремительного для того времени броска, полководец писал: «Убытку в людях мне стоит: трое оставленных на пути по госпиталям, один умер, один бежал. Ныне всего по полку больных и слабых одиннадцать человек. Впрочем, в полку люди и лошади здоровы и крепки настолько, что полк готов сей же час выступить в дальнейший и поспешнейший поход». Из своего метода он не делал секрета: солдаты ехали на подводах, и их главная задача состояла в своевременной починке «весьма дурных» переправ.

**Переход Суворова через Альпы.
Художник Василий Суриков. 1899 г.**

Логистике Суворов научился на своей первой, Семилетней, войне*. Отчаявшись сделать карьеру военачальника, он пошел по стопам отца в интенданты и на удивление всем наладил перевозку грузов по ужасным дорогам Великого княжества Литовского. Тогда же, тщательно описывая в донесениях происходившие события, он осознал важность молниеносного перемещения войск, причем с сохранением их боеспособности. Молодой офицер выдвинулся в командиры полка, получил в кавалерийском корпусе генерала Густава Берга легкий отряд и с фантастическим натиском истреблял со своими молодцами конницу пруссаков, считавшуюся в те годы лучшей в Европе.

В реляциях Александр Васильевич подчеркивал, что победу приносили именно стремительные атаки с применением холодного оружия, независимо от местности и времени суток (он проводил их даже ночью в лесу!). Принятая же во всех армиях Европы неприцельная залповая стрельба из карабинов, мушкетов, пистолетов и даже из орудий, по его оценке, заметного урона решительно наступавшим не наносила. Так, 15 сентября 1761 г. при выходе из Фридеберг-

ского леса (Бавария) конница Суворова налетела на вражескую дивизию. Встретила храбрецов вся прусская артиллерия. Проскочив, по его выражению, «под огнем», русские порубили кавалерию противника и взяли 71 пленного, в том числе офицера штаба корпуса.

Будущий генералиссимус в тот день навсегда запомнил, что, несмотря на ужасающую орудийную канонаду и выучку неприятельских драгун, атакующие силы понесли минимальные потери: пять раненых казаков и несколько гусар. Позже он так объяснял солдатам свою тактику: «Наставили на тебя пушки: бросайся на картечь! Летит сверх головы. Пушки твои, люди твои! Вали на месте! Коли! Гони! Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать, они такие же люди». Его метод войны был направлен против человекоубийства, на спасение жизней.

Вскоре Александр Васильевич понял: решающего значения не имеет даже количество войск противника. 20 ноября 1761 г. под немецким городом Ноугардом его полк разгромил вражеское соединение при соотношении сил 1:3. «Около Ренегвельде, — докладывал позже Суворов, — выходя из лесу, вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусский корпус, стоящий в его линиях». Медлить было нельзя. Русский конный отряд ринулся вдоль фронта к обнаруженной разведчиками переправе через болотистую речку, не дав кавалеристам неприятеля опомниться. Они переправились следом, «вмиг построились», но хватило одного нашего эскадрона, чтобы отбросить преследователей обратно в трясины.

Однако неподалеку один из лучших полков неприятеля все же перебрался на другой берег. «Невозможно было время тратить, — писал Александр Васильевич, — я велел ударить стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону». Гусары пустили в ход сабли, солдаты же противника, как на параде, «дали залп из карабинов. Ни один человек из наших не упал...», тогда как враги «в мгновение были опровергнуты, вырублены, потоптаны и перебежали через переправу назад».

Как подчеркивал Суворов, этот «сербский эскадрон был подкрепляем одним венгерским, который в деле не был». Противостоявшие же части — «кроме конницы, батальонами десяти пехоты». Однако более сильный противник, упустив мгновение для принятия решения об атаке в карьер, был отбит. «Мы почти ничего не потеряли, — констатировал Александр Васильевич, — от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников». А ведь пруссаками командовал «весьма храбрый и отличный офицер». Торжество идеи — кто сильнее и быстрее атакует, тот побеждает — было полным.

Но годится ли такой метод для пехоты? Суворов, тогда еще 30-летний офицер, проверил его в самых жестких условиях, возглавив штыковую атаку батальона стрелков под польским городком Голнов.

*Семилетняя война (1756–1763 гг.) — одна из самых масштабных в XVIII в., шла в Европе, Северной Америке, странах Карибского бассейна, Индии, Филиппинах. В ней приняли участие все великие европейские державы, большинство средних и мелких, некоторые индейские племена (прим. ред.).

**Памятник Суворову
в швейцарских Альпах. 1899 г.**

«Я поврежден был контузией, в ногу и грудь картечинами; одна лошадь убита подо мной», — писал он. Но общие потери оказались меньше, чем при «правильной» осаде. Множество врагов попало в плен. Оказалось, что здесь так же, как в кавалерии, исход боя решают быстрота и натиск.

Молодой командир, временно получивший тогда полк, очень тщательно писал рапорта (а потом сохранил такую привычку на всю жизнь), надеясь, что начальство воспользуется его оценками происходящего. Мало того, на их основе Александр Васильевич формулировал выводы, отраженные в его приказах, а позднее — в инструкциях войскам. Таким образом, перед нами в точно датированных документах раскрывается все развитие мысли полководца. Впоследствии он предписывал подчиненным в донесениях не только сообщать факты, но и высказывать свое мнение о случившихся событиях, предположения об их развитии, давать предложения командованию, чтобы оно, находясь вдали от места действия, могло принять верное решение.

Это стало новым словом в системе армейских коммуникаций. Ведь в XVIII в., да и много позже все были уверены, что приказы должны идти сверху вниз, а

отчеты об исполнении — соответственно в обратном порядке. Но необходимой информацией располагали именно те, кто находился в контакте с противником. Кто же они такие? Молчаливые исполнители, «винтики» или мыслящие люди, способные принимать решения?

Во второй половине 1760-х годов, получив в командование Суздальский пехотный полк, Суворов в приказах и инструкциях исходил из аксиомы, что каждый в нем, будь то рядовой, унтер- или обер-офицер, — прежде всего человек. В труде Александра Васильевича «Полковое учреждение» (1764-1765 гг.), в котором изложена сущность его взглядов на воспитание и обучение войск, представлен образ идеального сообщества людей, напроочь изолированного от реалий отсталой в социальном и экономическом смысле крепостной России XVIII в. Вот в чем крылась тайна непобедимости ее армии!

В «верхах» тогда царили кумовство, коррупция, официальной системой продвижения по служебной лестнице и обогащения был фаворитизм. Конечно, в армии тоже имело место казнокрадство, однако у офицеров, выдвинувшихся в Семилетнюю войну и обеспечивших «матушке-императрице» громкие победы, чес-

**Фельдмаршал А.В. Суворов
на вершине Сен-Готарда
13 сентября 1799 года.
Художник
Адольф Шарлемань. 1855 г.**

толюбие было развито выше, чем тяга к корысти. К тому же Екатерина II стимулировала отличившихся, награждая их землями, крестьянами, деньгами. И полковая организация, возглавляемая распорядительным, честным начальником, стремившимся блеснуть своими солдатами, посрамить врага, становилась идеалом, недостижимым для остального общества. Ведь основой ее была четкая структура командования, справедливая, продуманная система распределения обязанностей, подготовки и продвижения кадров (идеальным в данном смысле был упомянутый Суздальский полк, совершенствовавший и воспроизводивший себя под командой Александра Васильевича, считавшего его организацию образцом для подражания).

Это соответствовало народным представлениям о правде и суворовским — о высокой миссии воина. Солдат не просто освобождался от крепостной зависимости, а приобретал привилегии: был сыт и одет, получал денежное жалованье, мог с разрешения начальства, как и офицер, жениться. Он был защищен, подчеркивал Александр Васильевич, от наказания, если четко выполнял свои обязанности. Когда же брал на себя дополнительные, имел шанс на продвижение. Но вместе с чином добавлялось забот и повышалась ответственность. Дворянин должен был пройти все ступени службы, чтобы делом доказать свою состоятельность как командира. Однако выходец из крестьян тоже мог подняться на уровень офицера, став старшим сержантом роты, а сын рядового имел право ускоренного производства в офицеры.

Такая система была чрезвычайно прочной: все чины полка испытывали чувство защищенности, устойчивости и предсказуемости бытия. Но самое главное, думается, в том, что в ее основе лежал гуманизм. «Солдат дорог! — писал Суворов. — Мне солдат дороже себя». «Помни, — внушал он каждому офицеру, — что ты человек, подчиненные твои такие же люди. Люби солдата, и он будет любить тебя — в этом вся тайна». И хотя телесные наказания в полку сохранялись, для новобранцев делали исключение: «Их не били, а учили каждого... Знают офицеры, что я сам делать то не стыдился». К тому же командиры должны были «строго наблюдать, дабы чрез послабление... из добрых солдат не сделать ленивых, нечестливых к их должности, нерадетельных, и напоследок распутное их состояние от отчаяния бешеною дракою не поправлять».

Во главе угла обучения стояло понимание мотивов человека, и первым из них великий полководец считал честолубие. Прежде всего у солдат воспитывали уверенность в себе и гордость за достижение «в тонкость» своего дела. В свои инструкции Александр Васильевич вложил все, что требовала от воина армия, — от заботы о внешнем виде и строевой подготовки до молитвы, расписал обязанности должностных лиц, начиная со старших офицеров. Ведь их важнейшей задачей было «военную науку весьма знать и уметь показать, дабы, убогая праздности, подчиненных своих... в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли, так, чтобы оное упражнение вообще всем забавою служило».

В солдатах вырабатывали желание отличиться. Рядовых поощряли осваивать обязанности ефрейтора, чтобы заслужить этот чин, получивших его — стрелиться к званию сержанта и т. д. Прошедшие этот путь составляли унтер-офицерский командный состав, дублирующий обязанности офицеров. С такой взаимозаменяемостью при любых потерях армия не могла оказаться без командиров. И каждого из них учили воевать вместе со своим подразделением самостоятельно.

Это оказалось крайне полезным, когда в 1769–1772 гг. в Польше Суворов во главе бригады из трех полков участвовал в операции против шляхетского вооруженного союза — Барской конфедерации (направленной против короля Станислава Понятовского и России). Там его войска разбились на малые команды, и доверие военачальника помогало им побеждать в среднем пятикратно превосходящего противника. Причем офицеры всегда лично отвечали за жизнь и здоровье солдат. Отсюда огромное внимание Александра Васильевича к военной медицине. Но главной задачей армии было не сохранение себя, а защита мирного населения. Поэтому он буквально кричал в сотнях документов тех лет: нужно всеми силами и средствами «истреблять войну».

Суворов отбросил все доктрины ради своей — стремительным ударом на главные силы противника лишить его возможности сражаться. И это принесло ожидаемые плоды. Во время второй польской кампании (1794–1795 гг.) за шесть дней он одержал четыре победы, а на просьбу поверженной стороны освободить одного офицера отпустил 500 (а еще раньше — 6000 плененных ополченцев). Кстати, в конце жизни генералиссимус говорил: «ни одного приговора на смертную казнь не подписывал», что было чистой правдой.

Еще после первого похода в Польшу все учебные и боевые действия полководец подчинил одной цели — «истреблению войны»: использовал всевозможные боевые построения и тактики, описывал в приказах, инструкциях, когда целесообразно применять то или иное правило, ни в коем случае не делая из него догму. Разыгрывал с офицерами операции французской армии (тогда уже совершавшей завоевательные походы в Европе) до тех пор, пока они не научились думать за потенциального противника, понимая его, как себя.

«Бог в наказание за мои грехи послал Бонапарта в Египет, чтобы не дать мне славы победить его», — писал Александр Васильевич в конце XVIII в., но сетовал не потому, что тот был лучшим генералом Франции: под лозунгом «свободы, равенства и братства» Наполеон завоевал и разграбил Апеннинский полуостров. «Вооружайтесь, народы италийские!.. — призывал Суворов. — Смотрите на восстающие уже народы, одушевляемые желанием прекратить столь долговременную кровавую брань! Смотрите на героев, с севера для спасения вашего пришедших!.. Все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства!.. Покиньте знамена, опозоренные злодеяниями столь гнусными, присоединяйтесь

к избавителям вашим, чтобы довершить великое дело возрождения Италии!». В 1799 г. «меч России» разгромил армии генералов Жана Моро, Жака Макдональда и Бартеlemi Жубера — участь оккупантов была решена.

Великий полководец готов был завершить кампанию ударом с юга на французскую столицу — походом, тщательно подготовленным им еще в России. «1. Только наступление, — гласила его военная доктрина, самая передовая для того времени. 2. Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие. 3. Не рассуждать — хороший глазомер. 4. Полная власть командующему. 5. Атаковать и бить противника в поле. 6. Не терять времени в осадах ... Иногда действовать ... блокадой, а всего лучше брать крепости штурмом, силой. Так меньше потерь. 7. Никогда не распылять силы для охранения разных пунктов. Если неприятель их обошел, тем лучше: он приближается для того, чтобы быть битым... 8. С непрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта... Никогда не перегружать себя бесплодными маневрами, контрмаршами и так называемыми военными хитростями, кои годятся лишь для бедных академиков... Никаких отсрочек».

При таком методе ведения войны правившая Францией Директория была бы обречена. Но наши союзники — англичане и австрийцы — не могли допустить, чтобы ее победила Россия (полководец понял это раньше императора Павла I: «Меня отсюда гонят в Швейцарию, чтобы там раздавить»). Оказавшись в Альпах осенью 1799 г. по их вине без снабжения, в окружении четырехкратно превосходящего неприятеля, возглавляемого отличными генералами Андре Массена и Клодом Лекурбом, даже он временами впадал в отчаяние. Великий полководец тогда уже был при смерти, но офицеры, приученные им к самостоятельности, взяли Лекурба в плен, а Массена так разбили, что, по его признанию, он отдал бы все свои победы за один лишь Швейцарский поход Суворова.

Александр Васильевич, весь израненный, часто и тяжело болевший, держался наравне с солдатами лишь постоянным усилием воли, сделав свою жизнь каждодневным подвигом победы духа над плотью. «Смерть чуть не перед глазами у меня, — писал он. — Она медленно сживает меня со свету, но я презираю ее, не желаю умирать позорно, а хочу встретить ее только на поле сражения». Он сдался ей в 70 лет, не истребив лишь одну войну — с Наполеоном.

«Доброе имя, — отмечал Суворов, — есть принадлежность каждого честного человека, но я заключил доброе имя мое в славу моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию».

Иллюстрации предоставлены автором